

ВОСПИТАНИЕ УПРАТОЙ

Андрей Александрович Остапенко,
профессор Кубанского государственного университета,
доктор педагогических наук, г. Краснодар

Прочитав в 1-м номере статью Евгения Ямбурга «Надо ли готовить детей к восприятию смерти?»¹, я достал недописанную пару лет назад статью, которую не решался ни дописывать, ни публиковать. Она была начата при определённых, очень конкретных скорбных обстоятельствах, изложенных в первой части. Я не знал, имею ли я право давать советы и педагогические рекомендации в этом деликатном вопросе. Но я дописал этот текст. Это не рекомендации и не советы. Это педагогическое размышление. Тут каждый родитель и учитель решает сам. В меру религиозности или атеизма. В этом я с Ямбургом полностью согласен.

- острое горе • смерть • воспитание смертью • обретение потери
- взросление • опыт скорби

Часть первая. Эмоциональная

Все мы знали, что она скоро умрёт. И педагоги, и дети. Она тоже это понимала. Она пришла на выпускной. Вернее, её привели. Она искренне радовалась победам своих учеников и громче всех аплодировала своими иссохшими за год тяжёлой болезнью руками. Это был её последний земной праздник. Господь призвал её в сентябре, в Рождество Пресвятой Богородицы. И это был её первый праздник Там.

¹ Ямбург Е.А. Надо ли готовить детей к восприятию смерти // Народное образование. — 2019. — № 1. — С. 199–201.

Гроб стоял во внутреннем дворике школы, который был заполнен её коллегами и учениками, как нынешними, так и выпустившимися ранее. Отпевание должно было начаться здесь через полчаса и за священником уже уехали. Но... через некоторое время вышла встревоженная директор и тихонько попросила всех пройти в расположенный в четверти часа ходьбы храм, где и пройдёт отпевание и прощание. Слава Богу, никто из присутствующих не понял, что всё происходит не так, как было запланировано. Никому из пришедших не сказали, что из городского департамента образования был звонок с требованием под страхом увольнения «прекратить прощание в детском учреждении». Организаторы похорон быстро приняли решение, а настоятель храма, не раздумывая, предложил перевезти гроб в храм...

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида», — звучал негромко голос священника, эхом отдаваясь от сводов храма и заполняя всё пространство, наполненное запахом ладана.

При взгляде на лица старшеклассников стало понятно, что часть из них никогда не были на отпевании, не слышали таких слов. Они не знали того, как правильно и когда надо креститься. Они *впервые обретали совместный, соборный опыт обретения утраты.*

«Братие, не хошу вас неведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним», — читал я апостольское послание, наблюдая за лицами наших детей. — «И тако всегда с Господем будем». И радостью наполнялось моё сердце, когда я видел, что губы некоторых наших воспитанников неуверенно шептали: «Вечная память». Им странно было видеть меня не в пиджаке с галстуком у доски, а в белом церковном стихаре с трезником в руках.

Наши дети обретали бесценный опыт совместного сопереживания утраты, совместного обращения к Богу, к которому призывал священник. Совместное стояние и молитва у гроба — это потрясающее соборное воспитательное средство совместного взросления через обретение утраты. Они выросли на глазах. Из них уходила подростковая дурашливость и инфантильность.

Часть вторая. Эмпирическая

В середине 90-х в нашей тёплой кубанской станице по инициативе администрации Нефтеюганска были открыты два семейных детских дома. Дети-сироты из сурового Нефтеюганска получили возможность жить и учиться в комфортном южном климате. Все они учились в нашем уютном станичном лицее. Среди них была семиклассница Елизавета (имя изменено), детдомовская воспитанница, рано пережившая тяжёлые утраты. Отца своего она не знала, мать тогда ещё была жива, но её

лишили родительских прав из-за асоциального поведения. Она была опустившаяся алкоголичка. Из личного дела Лизы было известно, что её мать была в прошлом актрисой одного из московских театров. Богемная жизнь столичной красавицы довела её до алкогольной зависимости, она лишилась московского жилья, и ей ничего не оставалось, как уехать в Нефтеюганск с маленькой Лизой, где в наследство от родителей осталась небольшая квартира. Вскоро её лишили родительских прав, дочку определили в детский дом, а квартиру закрепили за малолетней Лизой. Через несколько лет Лиза оказалась в семейном детском доме в нашей станице.

Девочка была душой школы, прекрасно пела, была солисткой танцевального ансамбля, блестяще училась и через несколько лет стала студенткой, избрав профессиональный путь социального педагога. Когда она стала совершеннолетней, от матери начали приходить несчастные письма с неизменным требованием отказаться от квартиры в её пользу. Но через некоторое время письма прекратились. На каникулах Лиза поехала в Нефтеюганск, но матери не нашла. Обратившись в правоохранительные органы, по имеющимся фотографиям неопознанных тел она выяснила, что мать была захоронена в безымянной номерной могиле в той части кладбища, где хоронят безродных покойников и неопознанных бомжей. Собрав студенческие рубли, она перезахоронила мать.

Получилось так, что я в школьную бытность был учителем физики у Лизы, а в её студенческие годы стал её научным руководителем дипломной работы. Неожиданно для меня Лиза сама придумала и выбрала тему выпускной работы — «Социально-педагогическая поддержка подростка в ситуации острого горя». В работе были две большие главы. Первая была посвящена помощи подростку в ситуации развода родителей, а вторая — в случае смерти одного из них.

Эта хрупкая худенькая девчушка с головой окунулась в литературу по социальной психологии и социальной педагогике. Увлечённо конспектировала «Психологию переживания» Ф.Е. Василюка. И через некоторое время вырисовалась небанальная гипотеза этого студенческого научного исследования.

Мы обратили внимание на то, что в ситуации внезапной утраты близкого человека люди, как правило, ведут себя очень по-разному. Чаще всего возможны два сценария.

Первый, истерично-разбросанный, когда человек впадает в ступор, в уныние, не знает, за что хвататься, не понимает, как организовать похороны. Он находится в угнетённом состоянии, его психика заторможена. Шоковое оцепенение сменяется надрывными истериками.

Второй сценарий, торжественно-сосредоточенный, когда переживающий внезапную утрату человек внутренне мобилизуется, берёт на себя полностью всю организацию похорон. Он знает, что делать, куда и кому звонить. Он находится в состоянии сосредоточенной скорбной торжественности. Человек знает, что он, и только он, должен взять на себя ответственность этого ответственного момента — перехода усопшего в вечность.

И тогда у нас возникла исследовательская гипотеза, что сценарий поведения взрослого человека в ситуации острого горя может зависеть от наличия или отсутствия у него детского или подросткового опыта сопереживания горя.

Ведь мы же знаем, что одни родители в случае смерти близких (бабушки, деда) лишают ребёнка или подростка возможности по-человечески проститься с любимым с детства, заботившимся о нём человеке. Ребёнка увозят куда-нибудь к знакомым или дальним родственникам, иногда даже не сообщая о случившемся. Как правило, в дальнейшем этот подросток обижается на родителей, лишивших его возможности проводить в последний путь любимую бабушку или деда.

Иные родители поступают по-другому. Они включают ребёнка в совместные хлопоты по организации похорон, они даруют ему опыт совместного переживания горя, который в дальнейшем ему поможет переживать подобные ситуации (а они ведь неизбежны), когда он столкнётся с ними один на один, когда он будет уже не младшим, а старшим.

Подобным образом поступают школьные учителя и классные руководители. Ведь рано или поздно случаются беды и утраты у кого-то из детей в классе. Одни учителя избегают сами и лишают своих воспитанников опыта со-переживания беды и утраты вместе со своими детьми. Другие, наоборот, всячески включают воспитанников в помощь страдающему однокласснику. На наш взгляд, правы вторые.

Началась у нас с Лизой кропотливая исследовательская работа интервьюирования десятков людей, переживших горе утраты в детстве и горе утраты во взрослом возрасте. И наша гипотеза нашла подтверждение. С высокой долей вероятности мы утверждаем, что **эмоциональное со-переживание** (совместное переживание со старшими) **чувства острого горя утраты обогащает душу ребёнка или подростка опытом обретения потери, делающим его взрослее и ответственнее, что позволяет в будущем взрослом состоянии подобные утраты переживать собраннее, уравновешеннее и торжественнее.**

Я пока не готов ответить на вопрос о том, с какого возраста ребёнка этот опыт горя переживается адекватно. Это требует отдельного дополнительного исследования. Но ясно одно, что прав Булат Окуджава, написавший строки:

*А душа, уж это точно, ежели обожжена,
Справедливей, милосерднее и праведней она.*

А Лиза вернулась в свой Нефтеюганск и нашла себя в работе с обездоленными детьми в подразделении полиции по делам несовершеннолетних.

Часть третья. Теоретическая

Вряд ли у кого вызывает сомнение необходимость создания «школы радости», как любил об этом говорить В.А. Сухомлинский. Это словосочетание стало чуть ли не педагогической идиомой, а вот кто и как будет создавать «школу печали», «школу страдания» и нужны ли они, об этом история педагогики почему-то умалчивает. Соглашаясь с моим учителем, полтавским профессором В.Ф. Моргуном в том, что эмоциональная полнота развития личности обеспечивается чередованием (пульсацией, интедиффией) положительных, амбивалентных и отрицательных впечатлений в душе ребёнка², я выдвигаю ряд гипотетических положений, проверка которых начата, но на сегодняшний день пока не имеет репрезентативных результатов.

Эти положения таковы.

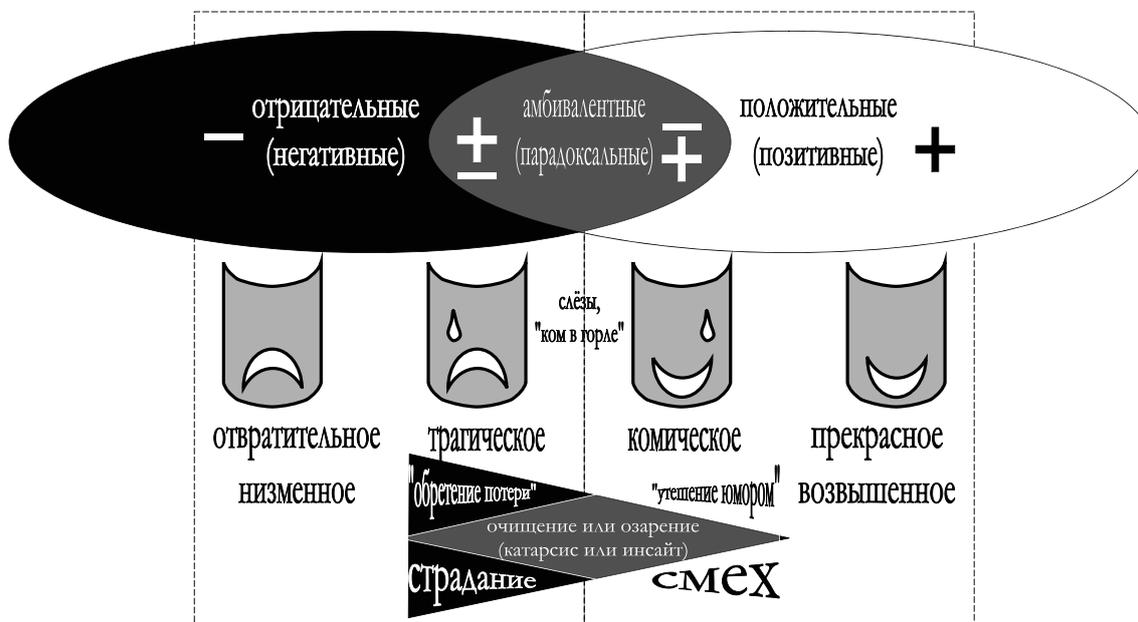
1. Эмоциональная полнота становления личности осуществляется при разумном балансе человеческих эмоций, которые описываются эстетическими категориями: положительные (прекрасное, возвышенное), отрицательные (отвратительное, низменное), амбивалентные (трагическое, комическое).

2. Ведущая роль в обеспечении полноты развития сердечной сферы ребёнка принадлежит амбивалентным эмоциям, способным выводить душу ребёнка в состояние катарсиса и озарения-инсайта.

3. Становлению чувственной глубины души ребёнка способствуют переживания печали (трагическое) и юмора (комическое) как аффекты противоположного свойства.

Печаль и юмор имеют общее свойство парадоксальности, антиномизма (соединения крайностей): **утешение юмором** и **обретение потери**. На первый взгляд такие словосочетания кажутся оксюморонами. Но это лишь на первый взгляд. Слёзы радости и слёзы печали возможны лишь в этих амбивалентных эмоциях.

Человек принципиально отличается от животных тем, что он способен переживать и чувствовать амбивалентные чувства трагического и комического. На простые (отрицательные или положительные) эмоции способны и животные.

² Моргун В.Ф. Интеграція і диференціація освіти: особистісний та технологічний аспекти // Постметодика [Полтава]. — 1996. — № 4(14). — С. 42.

По направлению движения хвоста собаки мы точно видим, какие эмоции она испытывает. Но с юмором и трагическим у них, увы... Это прерогатива человека. Полнота эмоциональной сферы человека (см. рис.) обеспечивается не только переживанием отрицательного и положительного. В первую очередь она обеспечивается исключительно человеческими амбивалентными (антиномичными, двойственными) чувствами. Только человек может переживать «радость сквозь слёзы» и «смеяться до слёз». Но на это способен человек, у которого богата оттенками его эмоциональная сфера.

Оставим за пределами этого текста вопрос о педагогической роли юмора и смеха. Это тема отдельного разговора. А вот лишая ребёнка опыта переживания и со-переживания общего горя, общей беды, мы обедняем его эмоциональную сферу, лишаем его душу полноты, тормозим его взросление. Обретая опыт переживания смерти, человек быстрее

обретает смысл жизни. А это ох как актуально в свете вспышки подростковых самоубийств.

Понятно, что «школу радости» надо специально создавать, а «школа скорби и печали» придёт сама. Нежданно. Надо только уметь с готовностью её достойно и торжественно встретить.

P.S. Знаю одно, что когда мои младшие дочери были школьницами, мы с женой всегда брали их с собой на кладбище, где похоронена их незнакомая им сестра, ушедшая из жизни ещё до их рождения. И вреда от этого точно не было. Осознание конечности жизни даёт человеку трезвомыслие и глубину. И здесь я согласен с Е.А. Ямбургом, что надо «иметь мужество обсуждать с ними последние вопросы бытия». Тогда они будут быстрее обретать смысл жизни, а мы меньше будем заниматься профилактикой суицидов.

Upbringing Through The Sense Of Bereavement

Andrey A. Ostapenko, Professor of Kuban state University, doctor of pedagogical Sciences, Krasnodar

Abstract. *Our magazine continues the begun earlier difficult subject of children upbringing through experience of death. The author believes, that the empathy of death in the childhood and the adolescence helps the young man to find meaning of life and in an adulthood adequately to endure vital losses.*

Keywords: *grief, death, upbringing by death, the sense of bereavement, growing, experience of bereavement.*

Ispol'zovannyye istochniki:

1. *Yamburg Ye.A. Nado li gotovit' detey k vospriyatiyu smerti // Narodnoye obrazovaniye. — 2019. — № 1. — S. 199–201.*
2. *Morgun V.F. Integratsiya i diferentsiatsiya osviti: osobististniy ta tekhnologichniy aspekti // Postmetodika [Poltava]. — 1996. — № 4(14). — S. 42.*